

Сергеенкова, В.В. Подготовка и социальный статус учителей начальных школ в России (60—70-е гг. XIX в.) / В.В. Сергеенкова // *Працы гістарычнага факультэта : навук. зб. Вып. 1 / рэдкал. : У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]*. — Мінск : БДУ, 2006. — С. 255–262.

В. В. СЕРГЕЕНКОВА

ПОДГОТОВКА И СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС УЧИТЕЛЕЙ НАЧАЛЬНЫХ ШКОЛ В РОССИИ (60—70-е гг. XIX в.)

Вопрос о подготовке учителей для начальных школ впервые со всей серьезностью встал в годы пореформенного развития России. Изменения, происходившие в стране, способствовали относительно быстрому распространению начального образования. Вместе с тем была очевидна острая нехватка учителей для начальных школ. Например, в Александровском уезде Екатеринославской губернии в 1868 г. из 47 материально обеспеченных начальных школ 21 не открылась из-за отсутствия учительских кадров [8, с. 37]. Да и образовательный уровень учителей, работавших в школах, был крайне низким. Так, в 1868 г. в Бессарабской области сельскими учителями являлись 125 причетников, 29 поселян, 20 отставных солдат, 19 уволенных семинаристов, 14 выходцев из дворян и чиновников и 5 священников (разумеется, без специального образования). Учителя из священнослужителей, часто не получая за свой труд никакого вознаграждения и отвлекаясь на исполнение «пастырских обязанностей», относились нерадиво к педагогической деятельности [16, с. 555; 28, № 7, с. 2—66; № 21, с. 31—90; 29, № 4, с. 30—84; № 17, с. 35—86].

Для обеспечения начальных школ учителями за счет выпускников духовных семинарий министр просвещения и обер-прокурор Священного Синода Д. А. Толстой в апреле 1869 г. распорядился назначать на места священников лишь тех выпускников духовных семинарий, которые прослужили не менее трех лет в звании псаломщика, дьякона или учителя начальной школы. В начале 70-х гг. окончившим духовные семинарии было

255

запрещено занимать пост священника до достижения 30-летнего возраста [2, с. 56; 9, с. 143]. Все эти постановления не способствовали в должной мере привлечению бывших семинаристов к учительской деятельности. Учителя из выпускников духовных семинарий, как сообщал в 1871 г. в министерство попечитель Киевского учебного округа, «не удовлетворяют требованиям. Они остаются на должности обыкновенно очень недолго, только до получения священнического места. Являясь совсем неподготовленными к делу, они затрачивают непроизводительное много времени до тех пор, пока сколько-нибудь ознакомятся с делом, а приобрев сколько-нибудь умения, они вместе с тем оставляют службу» [17, д. 480, л. 5]. Однако и таких учителей, по признанию того же попечителя, было чрезвычайно мало.

Учителями начальных школ становились выпускники учительских семинарий. Кроме того, свидетельство на звание учителя начальной школы можно было получить, успешно сдав специальный экзамен, порядок проведения которого был определен еще до создания учительских семинарий постановлением Госсовета 22 апреля 1868 г. о специальных испытаниях по Министерству народного просвещения. Они должны были проходить в особых испытательных комитетах, при педагогических советах гимназий и прогимназий, при уездных училищах. В мае 1870 г. министр просвещения утвердил правила этих испытаний, а позже, в 1876 г., было разрешено их проводить и правительственным учительским семинариям [1, с. 45—49, 51; 15, т. 43, № 45752; 24, с. 7612—7681; 25, с. 1624—1625].

Учителями начальных школ могли стать и лица, окончившие высшие или средние учебные заведения. По «Положению о женских гимназиях и прогимназиях Министерства народного просвещения» 1870 г. звание учительницы народного училища получали выпускницы этих учебных заведений или окончившие три низших класса гимназий, если в течение полугода они исполняли обязанности помощницы учителя или учительницы при каком-нибудь начальном училище [15, т. 45, № 48406]. В феврале 1876 г. лица, окончившие высшие или средние учебные заведения, были освобождены от специальных испытаний на звание учителя начальной школы. Они должны были только дать пробный урок [25, с. 1414—1415].

Были случаи, когда должности учителей занимали отставные унтер-офицеры. На них обратила особое внимание в 1875 г. комиссия, рассматривавшая отчет министра просвещения за 1873 г. Весной 1875 г. было разрешено допускать отставных и бессрочно-отпускных унтер-офицеров на должность учителя только на общем основании [25, с. 980—98-

256

тах. Одним же из способов повышения квалификации учителей являлись временные педагогические курсы и съезды учителей.

Таковы были основные источники скорее не подготовки, а простого пополнения учительских кадров. Их качественные характеристики напрямую зависели от социального происхождения, главное — от специальной подготовки через соответствующие учебные заведения.

Социальный состав учителей начальных школ и их образовательный уровень зафиксировали материалы статистического исследования, проведенного в марте 1880 г. Из общего числа учителей (14 421) в начальных народных училищах в земских губерниях детей дворян и чиновников было 12,3 %, священников — 50,1, городских сословий — 11,7, крестьян — 16,7, низших воинских чинов — 2,01, выходцев из других сословий — 7,8 %. Если основную массу воспитанников учительских семинарий составляли дети крестьян, то в общем числе учителей их было не более 20 % [27, с. 206—240].

Специальная подготовка учителей начальных народных училищ проводилась в различных учебных заведениях. Так, к марту 1880 г. из общего числа учителей начальных школ в земских губерниях получили образование: в духовных православных семинариях — 40,4 %, в учительских семинариях и школах — 19,3, в гимназиях и прогимназиях Министерства народного просвещения — 11,5, в уездных, городских и образцовых министерских училищах — 11,2, в других учебных заведениях — 9,8, получили домашнее образование — 6,9 % [27, с. 206—240]. Таким образом, почти половину наставников начальных училищ поставляли духовные семинарии, а учительские семинарии — лишь около 1/5 их общего числа.

Нельзя не отметить и то, что не все учителя имели законченное среднее и даже начальное образование. Из 14 421 учителя народных училищ выбыли из различных учебных заведений до окончания курса в них 2256, т. е. более чем 1/6 часть. От общего числа учителей, не окончивших учебные заведения, более половины составляли воспитанники духовных семинарий (67,1 %). Немало «недоучившихся» учителей давали гимназии и прогимназии (17,7 %). Если принять образование, полученное по окончании духовных и учительских семинарий, гимназий и прогимназий, за более или менее соответствующее учительской должности, то таких учителей было 8225, или около 56 % от общего числа. Но и этот уровень подготовки вряд ли можно считать достаточным. В учительские семинарии поступали лица, едва умевшие читать. Во время учебы они изучали лишь те предметы, которые были обязательны для начальных школ, и в объеме, в малой степени отличавшемся от преподававшегося в начальных школах. Образование, полученное в учительских семинариях, нельзя приравнивать даже к среднему. Духовные

же семинарии, разумеется, больше готовили к «пастырской» деятельности. В конечном итоге среднее образование имели лишь учителя, окончившие гимназии и прогимназии, а их было около 10,5 %. Таким образом, образовательный уровень учителей начальных школ был крайне низким.

Материальное положение учителей было очень тяжелым. Либеральные газеты и журналы XIX в. содержат множество фактов, свидетельствовавших о жалком, нищенском существовании учителей [11, 24 авг., с. 1102—1103; 3, 17 февр.; 22]. Во второй половине 60-х гг. жалованье учителей в С.-Петербургской губернии составляло от 25 до 100 руб. в год. В среднем же оно на протяжении 70-х гг. не превышало 200 руб. в год. Учительницы за тот же труд получали оклад еще меньший, чем учителя. Так, Вытегорское уездное земство Олонецкой губернии выплачивало учителям 300 руб. в год, а учительницам — 120 руб. (нередко и меньше). Например, в первой половине 70-х гг. в Зубцовском уезде Херсонской губернии в 19 школах учителя получали по 96 руб. в год, а в среднем же плата учителю в той же губернии не превышала 50 руб. в год. Содержание учителям в 70-х гг. в земских губерниях выплачивали в основном земства. Размер жалованья был крайне низким и не мог обеспечить более или менее сносного существования. В 70-е гг. от некоторых земств последовали предложения, поддержанные газетами, о наделении учителей небольшими участками земли с целью улучшения их материального положения [17, д. 338, л. 1; 4, с. 79—80; 5, с. 101; 26, с. 442; 3, 7 апр.].

Не один год обсуждался в правительстве и вопрос об освобождении учителей начальных школ от рекрутской и натуральных повинностей. Он был решен положительно лишь 26 ноября 1870 г. Однако этот закон не всегда выполнялся на деле [13, с. 339].

При таком положении в сельские учителя, как указывалось выше, зачастую шли люди, которые не могли найти другого места, часто полуграмотные и совершенно неспособные учить детей. Именно поэтому нередко были случаи, когда учителей увольняли с работы за неспособность к ней, малограмотность, нерадивое отношение к обучению детей, пьянство, жестокое обращение с учениками. Уволенным запрещалось в дальнейшем заниматься педагогической деятельностью [17, д. 220, л. 407—409; д. 754, л. 12—23, 170—172, 241—249, 264, 395—405, 443—478, 512, 522, 566; д. 960, л. 28—30, 60—66, 99, 187, 218, 245—269, 381, 414, 591; д. 1149, л. 1—8].

О чрезвычайно тяжелом материальном положении учителей, об их бесправии и полной зависимости от административных властей свидетельствует следующий факт. Учитель приходского училища в Одессе, исполнявший несколько лет эту должность, по «личным симпатиям» попечителя училища

был уволен со службы. Оставшись с восемью детьми без работы, он обращался во все инстанции и даже к министру просвещения, когда тот был в Одессе. Полтора года учитель затратил на жалобы, ходатайства, поиски работы, но его мытарства закончились трагически: в декабре 1868 г. он умер от нищеты и голода [12, с. 175].

Назначение и увольнение учителя, оценка его педагогической деятельности зависели от усмотрения чиновников Министерства народного просвещения. С введением в 1869 г. института инспекторов, а в 1874 г. директоров народных училищ вся деятельность учителя подпадала под их надзор. При малочисленности штата инспекторов они не могли уделять осмотру школ более одного дня. Поэтому очень часто судьба учителя зависела от доносов, от личной симпатии или неприязни к нему инспектора. Были случаи, когда инспектора народных училищ по доносам и за взятки увольняли учителей и вместо них назначали учительницами дочерей местных священников. Таких случаев, как сообщали в 1880 г. в Министерство просвещения уволенные учителя, в одной только Калужской губернии насчитывалось более 100. Учитель мог быть уволен, например, только за то, что он не постился в среду и пятницу. В 70-х гг. довольно часто священники также включались в общую травлю учителей, настраивая местное население против них. С 1874 г. добавился еще произвол уездных и губернских предводителей дворянства [7, с. 14, 26, 94—113; 20, л. 2; 14, с. 226; 11, 24 авг., с. 1102—1103; 16 сент., с. 1490—1491; 21 дек., с. 1701; 23].

Каждый шаг учителя регламентировался указаниями, инструкциями и т. п. Учитель фактически низводился до положения мелкого чиновника, не смеявшего иметь своих убеждений и взглядов даже на методы и средства обучения. Как отмечал один из дореволюционных исследователей, учитель «обязан учить детей по преподанным сверху инструкциям, читать книги и журналы по заготовленным спискам» [7, с. 94]. Положение учителей не оставалось незамеченным передовой русской прессой: учитель — «загнанное, затертое существо, которым всякий считает себя вправе понукать, вмешиваться в его дело и в то же время его держать впроголодь» [5, с. 101].

Начиная с середины 70-х гг. административно-полицейский надзор и контроль за учителями все более и более усиливался. Это находилось в прямой связи с подъемом революционного движения в стране. «Хождение в народ», политические процессы 70-х гг. показали, что в числе революционеров были и учителя начальных школ.

Стремление пресечь революционную пропаганду вызвало ряд правительственных постановлений. Во второй половине 60-х — 70-е гг. XIX в. в Министерство народного просвещения постоянно поступали секретные сооб-

щения от попечителей учебных округов, инспекторов народных училищ, из III отделения о «неблагонадежных» учителях. Особенно участились подобные сообщения с середины 70-х гг. В них информировалось, что в основном революционной агитацией занимались учителя, выходцы не из крестьян, а из духовенства, дворян, чиновников и мещан. Учителя участвовали в революционных кружках, распространяли запрещенные книги и статьи среди своих учеников и местных жителей, занимались антиправительственной и атеистической пропагандой.

За участие или даже подозрение в революционной пропаганде, распространение запрещенных книг учителя увольнялись и им навсегда запрещалось заниматься педагогической деятельностью. Министерство народного просвещения постоянно рассылало попечителям учебных округов «черные» списки учителей, которым было запрещено преподавать в школах [17, д. 231, 754, 879, 960, 1149; 19; 21]. В своем стремлении оградить начальные школы от проникновения в них революционных нигилистических идей учебное начальство во главе с министерством увольняло учителей даже за то, что они не вовремя снимали шапки во время Крестного хода, видя в этом повод для обвинения их в неблагонадежности [17, д. 220, л. 313—320, 398—399, 419—425].

В 1874 г. было обнаружено, что среди народа ведется «злонамеренная пропаганда путем книг» и в ней участвуют учителя начальных школ. Об этом министр народного просвещения в декабре 1874 г. и в феврале 1875 г. сообщил в секретных циркулярах попечителям учебных округов и направил им списки запрещенных книг. Списки посылались и в последующие годы, а в 1879 г. циркуляром министра предписывалось в целом установить строжайший контроль за поступлением книг в народные школы [17, д. 879, л. 1—17, 33—50; 21, л. 30—31].

В начале мая 1875 г. министр юстиции К. И. Пален препроводил Д. А. Толстому записку о «преступной» пропаганде, обнаруженной в 1874 г. в 37 губерниях России. Он, в частности, сообщал, что «деятели революционной пропаганды» проникали в низшие сельские школы, открывали школы, шли учителями в начальные училища. Эта информация послужила основой для появления 25 мая 1875 г. очередного циркуляра министра народного просвещения попечителям учебных округов. В нем отмечалось, что в начальных школах выявлена пропаганда социалистических идей, и подчеркивалась необходимость усиления бдительного наблюдения за начальными школами. Главное средство в борьбе с «преступными» идеями правительство видело не только в усилении репрессий, но и в подготовке учителей, преданных «царю и отечеству». Еще ранее, в 1874 г., Д. А. Толстой предписал

попечителям округов делать особые пометки о нравственности на документах воспитанников, уволенных до окончания высших и средних учебных заведений [18, л. 35—39в; 30, с. 8—10; 6, с. 12].

Правительство постоянно активизировало свою деятельность, направленную на пресечение революционной пропаганды. Развитие революционного движения в стране, участие в нем учителей и соответствующие изменения в политике самодержавия нашли свое отражение в ежедневных газетах тех лет. Стали распространяться слухи о близкой передаче народного образования в руки духовенства [10, с. 450—453; 11, 3 авг., с. 1002—1003].

Таким образом, политика правительства по подготовке учителей для начальных школ находилась в прямой зависимости от процессов внутреннего развития России в 60—70-х гг. Министерство народного просвещения стремилось встать во главе деятельности по подготовке учителей, одновременно осуществляя надзор и контроль за этой важной областью внутренней жизни страны. Для политики министерства в 60—70-х гг. характерны попытки создать определенную систему подготовки учителей, хотя ее конкретное наполнение изменялось под воздействием социально-политических событий в стране. Вместе с тем министерство стремилось обеспечить подготовку учителей, преданных «царю и отечеству».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аннин, П.* Свод главнейших законоположений и распоряжений о начальных народных училищах и учительских семинариях / П. Аннин. Спб., 1890. Ч. 1.
2. *Арсеньев, А. М.* Против идеализации учительских семинарий / А. М. Арсеньев // Советская педагогика. 1947. № 12.
3. Биржевые ведомости. 1874. 17 февр., 7 апр.
4. Современное обозрение // Дело. 1871. № 10.
5. Современное обозрение // Дело. 1877. № 7.
6. Журнал Министерства народного просвещения. 1880. Ч. 208. № 3.
7. *Звягинцев, Е. А.* Инспекция народных училищ. Русское общество и учебное ведомство в школьном деле / Е. А. Звягинцев. М., 1914.
8. Извлечение из всеподданнейшего отчета министра народного просвещения за 1868 г. // Журнал Министерства народного просвещения. 1870. Ч. 147. № 1.
9. *Катков, М. Н.* Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1874 год / М. Н. Катков. М., 1897. № 53.
10. Неделя. 1874. 31 марта.
11. Неделя. 1875. 3 авг., 24 авг., 16 сент., 21 дек.
12. Отечественные записки. 1869. № 3. Современное обозрение.
13. Отечественные записки. 1871. № 12. Современное обозрение.

14. Отечественные записки. 1879. № 12. Современное обозрение.
15. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. 43, 45.
16. *Рождественский, С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения (1802—1902) / С. В. Рождественский. Спб., 1902.
17. Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 733, оп. 170, д. 220, 231, 338, 480, 754, 879, 960, 1149.
18. РГИА. Ф. 733, оп. 193, д. 652.
19. РГИА. Ф. 733, оп. 194, д. 2.
20. РГИА. Ф. 733, оп. 200, д. 24.
21. РГИА. Ф. 733, оп. 227, д. 1.
22. Русские ведомости. 1874. 25 июня.
23. Русский мир. 1874. 28 июня.
24. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения (далее — СП по МНП). Спб., 1871. Т. IV.
25. СП по МНП. Спб., 1878. Т. VI.
26. Семья и школа. 1875. № 2. Кн. II.
27. Статистический временник Российской империи. Сер. III, вып. первый. Спб., 1884.
28. Циркуляр по управлению С.-Петербургским учебным округом. 1868. № 7, 21.
29. Циркуляр по управлению С.-Петербургским учебным округом. 1869. № 4, 17.
30. Циркуляр по управлению Харьковским учебным округом. 1875. № 7.